Себастьян Делакур, смерив себя строгим взглядом и убедившись, что его внешний вид безупречен, небрежно протянул руку и нажал на кнопку звонка. Дверь открыла женщина, высокая, тощая, с лицом, напоминающим лошадиную морду. Ее нос был вздернут, а поведение соответствовало убогому интерьеру. На ней висело платье, жалкая подделка под дизайнерскую вещь, на шее болталась безвкусная золотая цепочка, а в ложбинке между обвисшими грудями – отвратительный кулон в форме сердца. Высокие каблуки добавляли ей роста, но и они были откровенной подделкой. Себастьян, повидавший немало представителей этого рода, прекрасно знал, как они любят побрякушки. — Да? — презрительно бросила она.— Петуния Дурсли? — спросил он.— Что тебе нужно? — огрызнулась она.— Я — сеньор Себастьян Делакур, — спокойно произнес он. — Если у вас есть несколько минут, у меня есть важное дело к вам и вашему брату.Заметив, как ее глаза спустились с небес и скользнули по его наряду, Себастьян испытал чувство удовлетворения. Он предусмотрительно надел свой лучший маггловский костюм, который был намного дороже, чем могли позволить себе эти люди. И, в отличие от женщины, стоящей перед ним, его одежда была настоящей. Ее взгляд стал расчетливым, она явно пыталась понять, как извлечь выгоду из его визита. Себастьяну было все равно: главное – попасть внутрь, получить информацию. Сначала нужно было просто выбраться с улицы. — Очень хорошо, — наконец сказала она. — Можете подождать в гостиной, я позову Вернона.— Мерси.Дом внутри был таким же стерильным и безжизненным, как снаружи. На ярко-белых стенах висело несколько портретов, на каждом из которых была изображена семейка из трех человек. Гарри на них не было, что подтвердило подозрения Себастьяна. Муж и сын тоже были отвратительно толстыми, словно обжорство было их любимым занятием. Каблуки Петунии отбивали ритм стаккато по безупречному паркетному полу, пока она вела его в гостиную, которая была такой же безупречной, как и все остальное. И снова здесь были только фотографии семьи Дурслей, никакого Гарри. Нервы Себастьяна начали напрягаться; по этому признаку было ясно, что эти люди не любят своего племянника! Устроившись на провисшем диване, очевидно, разрушенном средним весом семьи Дурслей, он терпеливо ждал ее возвращения, в голове прокручивая образы больничных бланков. Ему хотелось связать этих людей и накормить веритасерумом, но время для этого еще не пришло. Осторожность была необходима, чтобы никто не мог обвинить его в неправомерных действиях. Наконец Петуния вернулась с мужем, и Себастьян почтительно поднялся со стула, чтобы поприветствовать его. Ему хотелось вести себя так, будто они принадлежат ему – что он и делал, если хотел, – но он подавил этот порыв. Он уже встречался с подобными людьми, и они достаточно скоро застелят свою постель. Вживую Вернон был еще более отвратителен, чем на фотографиях. Он был одет в совершенно ужасный серый костюм, а спортивный пиджак оставлял огромную щель, в которую проваливался его живот. Белая рубашка была слишком накрахмалена и выглядела так, словно была сделана из картона, и, что еще хуже, на ней было множество пятен от еды! Его большой галстук был ярко-оранжевым и обжигал глаза. Себастьян с трудом подавил гримасу отвращения, когда протянул руку.— Бонжур, мистер Дурсли, — предложил он. — Сеньор Себастьян Делакур. Спасибо, что нашли время встретиться со мной.Дурсли хмыкнул и пожал ему руку, все время рассматривая его дорогой костюм от Армани. Очевидно, это был человек, который судил о других по их средствам, а не по их мотивам. Себастьян не хотел бы общаться с таким человеком.— Я принесу напитки, — промурлыкала Петуния. — Пожалуйста, Себастьян, располагайтесь поудобнее.Себастьян не смог сдержать легкого сужения глаз от грубости ее обращения. В кругах, в которых он вращался, не принято называть себя по имени без разрешения! Однако он ничего не сказал, вместо этого кивнул и вернулся на свое место. Пусть думают, что у них есть преимущество, их ждет сюрприз.Вернону потребовалось почти все время, пока Петуния отсутствовала, чтобы устроиться в мягком кресле. В этом человеке было четыреста фунтов, если бы он был унцией, и он едва помещался! Уже одно это должно было поднять на ноги социальную службу, тем более что его сын был не хуже! Себастьян не питал иллюзий относительно того, что это медицинское заболевание: мужчина был просто ленив и слишком любил поесть. Петуния впорхнула обратно, неся поднос с элегантными бокалами из

искусственного хрусталя и бутылкой вина. Себастьян надеялся, что она не собиралась произвести на него впечатление: со своего места он мог видеть, что бутылка действительно принадлежит известному виноделу, но это был особенно ужасный урожай. Эта партия почти полностью уничтожила бизнес и была продана с очень большой скидкой. Он терпеливо ждал, пока Петуния раздаст бокалы и займет свое место, отметив, что эта женщина даже не знает, как правильно подавать вино! Себастьян отнюдь не был снобом, но как политик он знал свое дело – и видеть такую жалкую попытку произвести на него впечатление было довольно грустно. А ведь они еще даже не знали, зачем он здесь!— Так в чем же дело? — хрипло спросил Вернон, делая довольно большой глоток из своего бокала.Потянув момент, Себастьян медленно сделал глоток, и ему пришлось подавить дрожь от вкуса. Впрочем, неважно, это послужило своей цели: он контролировал эту встречу, а они могли подождать. Наконец он поставил бокал на стол, надеясь больше никогда его не видеть.— Я пришел поговорить с вами по очень важному для моей семьи вопросу, мистер Дурсли, — сказал он с предельной серьезностью. — Ваш племянник, — их глаза выпучились при упоминании этого слова, — и моя дочь пережили нечто, что будет иметь серьезные последствия для них обоих.Себастьян тщательно подбирал слова, ему было интересно увидеть реакцию – но то, что он получил, оказалось гораздо хуже, чем он ожидал! Петуния побелела, лицо Вернона мгновенно побагровело, и он вскочил со стула, отвратительная рябь прокатилась по его огромной фигуре.— МЫ НЕ ОТВЕЧАЕМ ЗА ЭТОГО УРОДА! — резко прорычал он. — ЧТО БЫ ОН НИ СДЕЛАЛ, ОН САМ ВИНОВАТ! ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ! ЗАБЕРИТЕ ЕГО, ЧТОБЫ Я…— ТИШИНА! — резко прервал Себастьян. Тишина повисла в воздухе, и Себастьян, позволяя гневу, впервые вспыхнувшему в нем, медленно поднялся. Его взгляд был направлен на Вернона, и в нем читалось отвращение. — Как вы могли, мистер Дурсли, — прорычал он, — отречься от мальчика, спасшего жизнь моей дочери? И без всякого расследования! Вернон побледнел, словно увидел призрака, и попятился, чтобы снова опуститься на стул. В глазах Себастьяна было что-то такое, что внушало ему ужас. Петуния же, напротив, словно взбешенная, выкрикнула: — Я уверена, вы ошибаетесь! Он лжет! Вам стоит позаботиться о том, чтобы он не испортил вашу дочь своим уродством!Глаза Себастьяна сузились, когда он повернулся к ней. В его голове зародилось тревожное подозрение. Он старался скрыть свои чувства, и на лице его отразилось лишь недоумение. — Безрассудство? — спросил он, голос его звучал спокойно, без яда. — Что вы имеете в виду? Моя дочь в опасности от него?— Он неестественный! — пронзительно прошипела Петуния. — Вы этого не понимаете, но поверьте, он принесет вам одни неприятности!В этот момент Себастьян, человек, крайне редко прибегавший к подобному, сделал то, что было ему противно: он проник в разум Петунии. Он был мастером Легилименса, обученным лучшими французскими аврорами, и его умение было поистине тонким. Он ненавидел эту способность, считая ее нарушением высшего порядка, но сейчас у него не было выбора. То, что он увидел в ее мыслях, вызвало у него болезненную тошноту.

http://tl.rulate.ru/book/91949/2961441